

Жюль Верн

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ
КАПИТАН

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ
НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЗДЕНЕКА БУРИАНА

Санкт-Петербург

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ
КАПИТАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая ШХУНА «ПИЛИГРИМ»

Второго февраля 1873 года топсельная шхуна «Пилигрим» находилась под $43^{\circ}57'$ южной широты и $165^{\circ}19'$ западной долготы от Гринвича. Это судно, водоизмещением в четыреста тонн, снаряженное в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях, принадлежало богатому калифорнийскому судовладельцу Джеймсу Уэлдону; командовал судном уже много лет капитан Халл.

Джеймс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим», хотя и один из самых маленьких кораблей флотилии, считался среди них одним из лучших. Ход у него был отличный. Превосходная, очень удобная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария. Капитан Халл умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на гораздо более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размываемые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Халла, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находился экипаж из пяти матросов и одного младшего матроса. Этого было недостаточно, так как охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш.

Но мистер Джеймс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал, что гораздо выгоднее нанимать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах всех национальностей, безработных или просто сбежавших со своего корабля, всегда готовых наняться на один сезон. По окончании промыслового рейса они получали расчет и дожидались на берегу следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

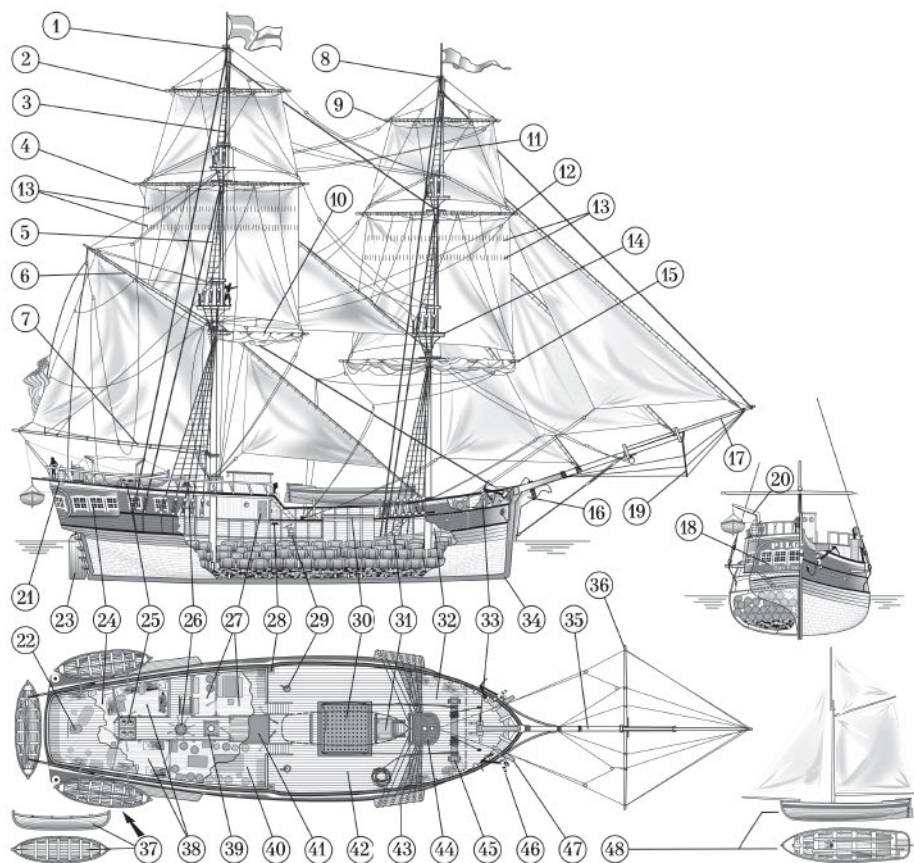
Именно так поступил и Джеймс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна только что закончила китобойную кампанию вблизи Южного полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты, которых на севере называют гренландскими, а на юге австралийскими, начали исчезать, и охотникам приходилось промышлять полосатиков¹, охота на которых представляет немалую опасность.

Так же вынужден был поступить на этот раз и капитан Халл, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты — если понадобится, вплоть до Земли Клер и Земли Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном-Дюрвилем на «Астролябии» и «Зеле», хотя это и оспаривает американец Уилкс.

В общем, «Пилигриму» в этом году не повезло. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии, то есть задолго до конца промыслового сезона, капитану Халлу пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда — сборище довольно темных личностей — вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Халл вынужден был расстаться с ней.

¹ Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) — ценное промышленное сырье — и китовый ус. Китовый ус — роговые пластины — употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань; пластинки китового уса у них развиты слабо.

1 – клотик грот-мачты
 2 – грот-брам-рей
 3 – грот-брам-стеняга
 4 – грот-марса-рей
 5 – грот-стеня-ванты
 6 – грота-гафель
 7 – грота-гик
 8 – клотик фок-мачты
 9 – фор-брам-рей
 10 – грота-рей
 11 – фор-брам-стеняга
 12 – фор-марса-рей
 13 – риф-банты
 и риф-штерты (они же
 риф-сезни)
 14 – фор-марс
 15 – фока-рей
 16 – княвдигед
 17 – мартин-гик

18 – корма
 19 – утлегарь
 20 – шлюпбалка
 21 – гакабортный ходовой
 фонарь
 22 – штурвал
 23 – перо руля
 24 – каюта капитана
 25 – световой люк
 26 – ворот
 27 – камбуз
 28 – трап на капитанский
 мостик
 29 – помпа
 30 – грузовой люк
 с решетчатыми
 крышками (рустерами)
 31 – трап в грузовой трюм
 32 – бак

33 – шпор бушприта
 34 – киль
 35 – бушприт
 36 – блинда-гафель
 37 – вельботы
 38 – кубрик
 39 – световой люк (он же
 бычий глаз)
 40 – кают-компания
 41 – капитанский мостик
 42 – верхняя палуба
 43 – русленя и вант-путенсы
 44 – фор-марс
 45 – якорная лебедка
 46 – якорь
 47 – кат-балка
 48 – катер

«Пилигрим» взял курс на северо-запад, к Новой Зеландии, и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна недобрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Халл. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; и он проклинал лодырей, неповиновение которых сорвало промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: все моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды пополнить груз «Пилигрима», и капитан Халл собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров — с просьбой, на которую он не мог ответить отказом. В это время в Окленде находились миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт». Джеймс Уэлдон, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам и привез туда их всех троих, предполагал сам же и отвезти их в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог, и его отец, которого призывали в Америку неотложные дела, уехал, оставив в Окленде жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта.

Прошло три месяца — три тяжких месяца разлуки, показавшихся бедной миссис Уэлдон бесконечно долгими. Постепенно маленький Джек оправился от болезни, и миссис Уэлдон уже могла уехать. Как раз в это время в Оклендский порт пришел «Пилигрим».

Дело в том, что для возвращения в Сан-Франциско миссис Уэлдон должна была сначала поехать в Австралию, чтобы там пересечь на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», которые ходили из Мельбурна к Панамскому перешейку через Папеэте. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американского парохода, курсировавшего между перешейком и Калифорнией. Такой маршрут означал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми.

Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Халлу с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нэн — старухой-негритянкой, которая вынянчила еще саму миссис Уэлдон. Совершить путешествие в три тысячи лье¹ на парусном судне! Но судно капитана Халла всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно для плавания по обе стороны экватора. Капитан Халл согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Он хотел, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок-пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена на борту китобойного судна возможно большим комфортом.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» представляло некоторые преимущества. Правда, плавание должно было несколько затянуться из-за того, что шхуне нужно было сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили. Но зато после этого судну предстояло идти до самого Сан-Франциско вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствий, была храбрая женщина, и море ее не пугало; ей было около тридцати лет, она отличалась завидным здоровьем и не боялась тягот и опасностей плавания на судне небольшого тоннажа. Она знала, что капитан Халл — отличный моряк, которому Джеймс Уэлдон вполне доверяет, а «Пилигрим» — надежный быстроходный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился, надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон им воспользовалась.

Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Но, несмотря на довольно солидный возраст, было бы неразумно выпускать его одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу — таков был кузен Бенедикт. В этом долговязом человеке с первого взгляда можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться

¹ *Лье* — французская мера длины, равная на море 5,555 км.

взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузен Бенедикт» — так его звали не только члены семьи, но и посторонние, и он действительно был из тех простодушных добряков, которые кажутся всеобщими родственниками, — кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного даже в самых обыденных, житейских вопросах. Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, он принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Представьте себе бесплодное, почти лишнее листвьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника, но обладающее прекрасной сердцевиной.

Таков был кузен Бенедикт. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их.

И его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузен Бенедикт не был ни лентяем, ни бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть — естественная история — поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» — значит сказать очень многое.

Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию.

Однако кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле этого слова — кем-то вроде Кювье¹ Нового Света, аналитически разлагающим или синтетически воссоздающим любое животное, одним из

¹ Жорж Кювье (1769–1832) — известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных; предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация, которой пользуется здесь Жюль Верн, теперь устарела.

тех глубоких мудрецов, которые всю свою жизнь посвящают изучению тех четырех типов — позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, — на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, губок, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта.

Однако и тут требуется уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Так вот, кузен Бенедикт, говоря научно, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лже-скорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология уже по самому смыслу слова¹ есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно, но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются

¹ Слово «энтомология» составлено из греческих слов: «энтомос» — «разделенный, рассеченный» и «логос» — «наука».

три отдела — голова, грудь и брюшко — и которые снабжены тремя парами ног, почему их и назвали шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению только класса насекомых.

Но не следует заблуждаться, думая, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе насчитывается не менее десяти отрядов: прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.); сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, мошки); перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи); чешуекрылые (представители: бабочки); полужесткокрылые (представители: цикады, блохи); жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки); двукрылые (представители: комары, москиты, мухи); веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы); паразиты (представители: клещи); низшие насекомые (представители: чешуйницы).

И среди лишь одних жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых — шестьдесят тысяч¹, поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Итак, жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно исключительно энтомологии.

Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Невозможно сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в его жилет, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собой витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были припилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым от-

¹ Теперь известно более миллиона видов насекомых, разделяемых более чем на 30 отрядов, из них свыше 200 000 разновидностей жуков.

крытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

И так как миссис Уэлдон с сыном возвращались на «Пилигриме» в Америку, вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними. Однако в случае какой-нибудь опасности миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемае миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, которую наняла в Окленде, она

22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритяжкой Нэн.

Кузен Бенедикт носил с собой в особой коробке всю свою драгоценную коллекцию. В этой коллекции, между прочим, хранилось несколько экземпляров жука стафилина — плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головы, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катино», как его называют маори¹, укус которого нередко бывает смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта. А потому наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и по-прежнему считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука стафилина.

Конечно же, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны и настала минута сниматься с якоря, капитан Халл подошел к своей пассажирке и сказал:

— Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что решили отправиться на «Пилигриме».

— Почему вы это говорите, капитан Халл? — спросила миссис Уэлдон.

— Потому что я не получил никаких указаний на этот счет от вашего супруга, а плавание на шхуне не может быть таким легким и приятным, как на пакетботе², специально приспособленном для перевозки пассажиров.

— Как вы думаете, мистер Халл, — ответила миссис Уэлдон, — если бы муж был здесь, поколебался бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

¹ *Маори* — коренное население Новой Зеландии.

² *Пакетбот* — устарелое название почтово-пассажирского судна.

— Конечно нет! — ответил капитан. — Не больше, чем поколебался бы я сам. «Пилигрим» — отличное судно, хоть промысловый сезон в этом году у него был неудачный, и я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я сказал вам это, миссис Уэлдон, только для очистки совести и чтобы еще раз повторить, что вы не найдете здесь тех удобств, к которым привыкли.

— Если все дело сводится к удобствам, капитан Халл, — возразила миссис Уэлдон, — это меня не тревожит. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажирок, которые все время жалуются на тесноту каюты или однообразное меню.

Миссис Уэлдон секунду смотрела на своего маленького сына, которого держала за руку, и закончила:

— Итак, в путь, капитан!

Капитан Халл тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью. Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна вынуждена была держать круто к ветру.

Поэтому 2 февраля капитан Халл все еще находился в широтах более высоких, чем ему хотелось бы, — в положении моряка, который намеревается обогнуть мыс Горн, а не плыть прямо к западному берегу Нового Света.

Глава вторая ДИК СЭНД

Погода стояла хорошая, и, если не считать задержки, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корабле не было ни юта, ни какой-то надстройки, а значит, не было и каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон должна была довольствоваться крошечной каютой капитана Халла, расположенной на корме. Деликатную женщину пришлось уговаривать занять ее. В этой тесной каморке вместе с нею поселились маленький Джек

и старуха Нэн. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна.

Сам капитан Халл перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но, как известно, экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — искусные и опытные моряки, державшиеся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон, жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были очень заинтересованы в прибыльности китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Правда, они трудились не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, но зато их малочисленность увеличивала долю каждого при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, почти никакого дохода не ожидалось, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев с Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски.

После того как прежний кок сбежал в Окленде, Негоро предложил капитану свои услуги. Этот молчаливый, замкнутый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Халла, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро ни разу не заслужил ни малейшего упрека.

И все-таки капитан Халл сожалел, что не успел навести справок о прошлом нового кока. Внешность португальца и особенно бегающие глаза не очень нравились капитану, а прежде чем допустить незнакомца в крохотный, тесный мирок китобойного судна, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро на вид было около сорока лет. Среднего роста, худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он производил впечат-